

Руслан Кайсун

4/VI-86

4 июня 1986 года.

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКАЯ ПРАВДА

„МИР И РАДОСТЬ ВАМ, ЖИВУЩИЕ!“

МЫСЛИ О КАЙСЫНЕ КУЛИЕВЕ, НАВЕЯННЫЕ ПИСЬМАМИ ЧИТАТЕЛЕЙ

Он трудился, как пахарь на пашне, творя свои бес-смертные произведения, которые, как извилистые тропинки в горах, вели его по крутым склонам к сияющим вершинам поэзии. Жил на-деждой и любовью, без позы и ложного притворства, во-спевал мужество и нежность, благодарил родную землю за тень чинар в знойный день и живительное тепло в зимнюю стужу, за хлеб и вodu. Радовался дождю в горах и снегу в родном Чегеме, любовался пышным цветением абрикоса и звездной ночью, славил материнское молоко и руки женщины. Познал вкус черного хлеба и соленой вody, горевал над безмолвным раненым камнем и понимал его боль. Не падал ду-хом в горестные дни и не гордился в годы славы, про-сил судьбу не убивать тиши-ну и улыбку ребенка, верил в бессмертие гор и знал, что стихи не спасут его от смер-ти...

Каждой своей строкой, каждым своим поступком Кайсын Кулиев старался принести людям большую или маленькую радость, от-дых от мелких и крупных тягот, находил верные слова, чтобы запасть в душу, взволновать самое червостое сердце. Обращался к тем, кто добывает свой хлеб на-сущий, и к тем, кто ушел из жизни, к женщине и ре-бенку, к камню и траве, пе-редавал людям щедрость таланта и души своей. Он любил людей так, как сын любит мать, сочувствовал им, переживал за них и рас-крыл свой многогранный и бесконечный мир перед ними искренне и безгранично.

И люди платили ему тем же. Из дня в день поэт по-лучал десятки писем из раз-ных стран и континентов. Письма разные, но полные любви, благодарности за по-даренную радость общения. Теперь они стали частью ар-хивного материала о К. Ку-лиеве, но каждое из них — это кусочек большой, безмерной приватности поэту за-доброду утром, за веру в чело-века, за стойкость камня и уроки мужества. Трудно су-дить, успевал ли поэт отве-чать всем своим корреспон-дентам. Человек необычайной скромности и простоты, он не мог рекламировать отзы-вы о своем творчестве. Не-сомненно одно: сейчас, когда Кайсына нет с нами, письма эти стали новым источником, раскрывающим его духовный мир, они привносят в наше знание о нем новое как о че-ловеке и поэте.

Из всего многообразия корреспонденций К. Кулиева мы отобрали те письма, ко-торые представляют литературно-художественный инте-ресс. В них выделили основные проблемы, которые вол-нуют человечество и именно поэтому послужили поводом для общения с К. Кулиевым, — это борьба за мир, любовь и привязанность к родной земле, непрерывное зла.

...Война... Все чаще и ча-ще звучит это зловещее сло-во в устах тех, кто жаждет крови, и в противовес плане-та снова и снова решительно говорит: «Нет!». Кайсын Ку-лиев, видевший обагренный кровью снег и полные ужаса глаза голодных детей, стонав-ших под тяжестью бомб сос-ны, пепел Хирокими и Нага-саки, следы зверств Освен-цима и Бухенвальда, не мог без содрогания думать о вой-не.

Рассвет 22 июня 1941 го-да он встретил парашюти-стом-десантником на латыш-ской земле. Тяжелые испы-тания выпали на долю поэта: горечь первых отступле-ний и потерю, постоянная боль за горе людей не дава-ли ему душевного покоя. Каждое из созданных на войне произведений впитало в себя кровь, пролитую ав-тором на полях сражений, надежду и веру в победу со-ветского народа.

География боевых дорог К. Кулиева обширна: Лат-вия и Подмосковье, Орел и Сталинград, Сиваш и Пере-коп... В дни, когда враг был близок к родным горам поэта, он просился на Кав-казский фронт, но в боях

под Орлом был тяжело ра-рен и доставлен в чебокса-рский госпиталь. Находясь там, в ноябре 1942 года Кулиев получает письмо из Политуправления Красной Армии и телеграмму от А. А. Фадеева с просьбой срочно явиться в Москву, чтобы решить вопрос о демобилиза-ции поэта. Об этом же хлопотала и Е. Д. Стасова (секретарь ЦК партии при Ленине). «Радуют нас Ваша стихи», — писали в те дни Кайсыну из Союза писателей СССР. — Мы узнаем в них Вас, живого, способного, уравновешенного и вмес-те с тем горца — горячего и страстного. И стихи эти доставляют удовольствие не только нам, узкому кругу Союза. Хотя бы из того, что сразу пошли в прессу и радио передает каждый раз, как только речь идет о Кав-казе, — хотя бы из этого Вы можете увидеть, что эти стихи нужны, что попали они к нам в самый подхо-дящий момент.

А. А. Фадеев согласен с тем, что Вас надо на время освободить от непосредственной боевой работы, чтобы дать возможность «отписаться», выплыть в поэтической форме все чувства, переживания, накопившиеся за этот год. Иначе Вас это будет отягощать, будет мучить. Трудно носить в себе столь-ко мыслей и чувств, ощуще-ний.

Мы нисколько не сомневаемся, что Вы в мыслях уже на Кавказе. Это вполне естественно. Ведь Вы — сын Кавказа. Истинный сын всен-да там, куда его зовет род-ная земля, он всегда со своей родной землей и наро-дом. Здесь Вы совершенно правы. Но ведь Вы и свои-ми стихами боретесь за Кавказ и боретесь очень ак-тивно. Ваши стихи — крупные снаряды по врагу, по-тому что они поднимают ярость народа, гнев, нена-висть против гитлеровцев. И надо эти стихи писать и по-сыпать, чтобы они доходили до народа...

Вы должны некоторое время пожить в Москве, а затем, если уж это будет нужно, пойти в армию, как писатель поработать в печа-ти... Это целесообразно, необ-ходимо и для сохранения ос-новных писательских кадров в республиках. Ведь эти кад-ры там дороги нам, народу, стране. Ведь с таким трудом они вырастают.

...Вы понимаете, что Вашим словом Вы не меньше, а пожалуй, больше пользы принесете Кавказу, потому что у нас нет другого поэта в Балкарии. Вот почему мы просим Вас спокойно поду-мать над этим и не страдать, не переживать, что на Кавказе обходятся пока без Вас. Стихи Ваши уже действую-ют.

Но Кулиев был неутомим. Впоследствии он писал об этом: «Я не мог, не имел права считать себя лучше тех, кто сражался и погибал. Их так же ждали дома матери, как моя в Чегемском ущелье... Быть парашютистом я уже не мог, но вернуться на фронт был спосо-бен».

После выздоровления в нач-але 1942 года поэт приез-жает в Москву. К этому вре-мени его стихи печатались в газетах «Правда», «Крас-ная звезда», в журналах «Дружба народов», «Огонек» и других изданиях. А. А. Фадеев очень внимательно отнесся к поэту. Он договорился с Политуправлением Красной Армии о включении Кулиева в список писателей, которых должны были быть демо-билизованы. А Е. Д. Стасова организовала первые перево-ды стихов поэта на европе-йские языки. Всюду Кайсын чувствовал заботу о себе. Через несколько дней после приезда в Москву Союз писа-телей СССР организовал творческий вечер К. Кулиева, на котором присутство-вали А. Фадеев, Б. Пастер-нак, С. Вургун и другие пи-сатели, а стихи поэта в переводах читали В. Звиги-нева, Д. Кедрин, М. Петро-вых.

Пробы в Москве некото-ре время, поэт все-таки от-казался от демобилизации и

вернулся на фронт в качест-ве корреспондента газеты «Сын Отечества» 51-й армии, но работа эта не пришла по душе бывшему парашютисту, и он ходил в атаки, делил разбухшую горбушку хлеба с товарищами, а в ми-нуты временной передышки писал стихи и посыпал в Со-юз писателей. Так входил Кулиев в поэзию — с первом и автоматом в руках, решительно и стремительно. К. Симонов как-то сказал, что у каждого фронтовика была своя война. Войну Кайсын видел в глазах матерей, с тоской смотревших вслед сыновьям, в прогнутых детских ручонках, в пропах-ших горьким порохом стихах и в стиснувшем зубы от бо-ли солдата; в ржаний коней с обагренными кровью бока-ми и в подбитом, как лер-монтовский стих, орле; в скорбных пепелищах дере-вень и скромных деревянных дощечках над солдатскими могилами; в печально поник-ших березах и соленой воде Сиваша. Но стих поэта, как раненый боец, падал и, обливаясь кровью, вставал в беспощадном сражении, ишел дальше, подобно коню, заку-шившему удила. И как бы ни был труден путь К. Кулиева, в самые горестные минуты оч не терял самообладания, не рассставался, как горец с папахой, с мужеством, и в душе его не раз звучал огне-вой напев ислаама.

«Мы все — поклонники Вашего чудесного таланта, радуемся тому, что знали Вас тогда, когда Вы только начали дорогу в тысяче-летие, — писал Кулиеву его бывший однополчанин Е. Ней-ман в 1975 году. — В моем фронтовом дневнике за 7 ап-реля 1943 года есть такая запись (это было под Росто-вом): сегодня к нам в редакцию приехал поэт Кайсын Кулиев. Это очень жиз-нерадостный, веселый и хо-роший поэт. Он нам читал свои стихи, Есенина».

Потом Кайсын играл в ли-тературную игру и писал под гротеск артиллерийских снарядов и безудержные ал-лодисменты бойцов искро-метный ислам. «И это на фронте, рядом со смертью!», — восклицает автор письма. Таким он запомнился многим из тех, кто шел с ним в тя-желые дни войны, — жизне-радостным юношем с густой и буйной шевелюрой, тем-ными горячими глазами, в которых то мелькали озорные искорки, то таились печаль и горечь.

Война испытала его на звание человека. Все дове-лось ему увидеть и пере-жить — холод и голод, тяже-лые утраты, горечь времен-ных отступлений и радость больших побед, уроки жесто-кости и заблуждений, но он выдержал все тяготы жизни, как кавказский клинок вы-кованный лучшими мастера-ми, остался верным всему земному и вознавидел зло. И хотя война уходит все дальние и дальше в историю, когда требуется максимальное напряжение физических и духовных сил. Она, как сейсмограф, помогает чувст-вовать толчки добра и зла. «Стихи Ваши возвращаются в душу скорби от утраченного хорошем, рождают неистре-бимую любовь к людям. Каж-дая строка таит в себе удивительное свойство — на-страивать самого читателя, слушателя на песенный лад». (Из письма Я. Мулярчука из Белоруссии). «Спасибо за Ваше добре сердце, которое не очерствело в трудные годы жизни, — благодарит поэта М. С. Алиева из г. Майско-го, — спасибо судьбе, кото-рая сохранила Вас для нас, молодого поколения... Я бе-ру из Вас пример, стараясь избежать жизненные не-взгоды, и благодаря Вас за то, что не дали опуститься, озвереть; с Вами светлеет душа, Человек, большой друг людей».

«Дорогой Кайсын Кулиев — прекраснейший поэт, редкий человек, как Вы нужны людям, как много сердца во всех Ваших сло-вах, как обнажены и полны мужества, героизма, чистоты и нежности стихи, как Вы любите Человека, Родину и всю красоту мира, как отда-ете им себя, как хотите, чтобы мир и люди стали луч-ше», — писала Кайсыну чи-тательница из Ленинграда Г. Никитина.

«...Читая Ваши стихи, я по-нял, как страстно Вы люби-те свою горную прекрасную Родину и по праву гордитесь ею». (Из письма Мечислава Кругона из ЧССР). Искрен-ность, умение переживать за чужую беду, радоваться каж-дому мгновению жизни, передавать это счастливое, радостное ощущение другим, умение волновать сердца присущи не каждому поэту. Видимо, это и есть то, что мы называем кулиевским ис-кусством, тем искусством, которое подняло человека на небывалую высоту достоинства. И читателей можно по-нять: не отклинувшись на по-этическое чудо равносильно бесчувственности, равноду-

родом. Горцы издавна тяжко трудились в суровых усло-виях природы и не теряли при этом чувства любви к жизни. Поэт остро чувствует ответственность людей за будущее мира, смотрит в глаза действительности без иллю-зий, заставляет задумываться над вопросами нравствен-ной самоценки своих посту-пов. «Стихи Кайсына Кулиева как-то по-особому близки, понятны мне. Я пережила войну, опухала от голода (было мне тогда 9 лет). Я прекрасно знаю вкус мерз-лой брюквы и гнилой картошки. У меня есть сын, и хочется, чтобы его детство было счастливым». (Из письма А. Юсуповой из Куста-йской области).

Любовью к миру, к лю-дям входит в его мир, как мечтал сам Кайсын, с доброй ульбкой, слов-но в новый дом, благодарят за открытие, восхищаются чистотой и образностью, по-ван-гоговски прозрачностью картин. «Позвольте преклон-нить перед Вами колени за Ваше огромное, доброе, че-ловеческое, неизбыточно поэти-ческое сердце. Счастлив, что живу в одну эпоху с Вами, учусь у Вас быть человеком». (Е. Сигарев, журналист из Петропавловска-Камчат-ского). Не удивительно и то, что учитель из Запорожья Л. М. Силенко со своими учениками летом 1976 года провел поход по местам, где жил и творил К. Кулиев, встречался с его родными в Чегеме, а 1 ноября, в день рождения поэта, на классном часе ребята рассказывали о своих впечатлениях, сопро-вождая их чтением стихов Кайсына Кулиева, демонстри-рацией цветных диафильмов и фотоснимков. А альпинис-ты с турбазы «Башня» в 1973 году одну из безымян-ных вершин в Чегемском ущелье назвали именем поэта.

Нежный, горячий, беспо-кийный и мудрый, Кайсын вошел, как ясный день, в душу людей и остался в них навсегда. И теперь кто-то в своих 70 лет хранит его том под подушкой, как в 17 лет Есенина, держит на рабо-чем столе, кто-то берет его стихи в командировку, кто-то просит перед смертью жену написать поэту о его любви к нему. Произведения К. Ку-лиева согревают душу в хо-лодный зимний день и уто-ляют жажду в пути, они, как ласковые руки матери, при-носят больному облегчение и утешают в одинокие дни ста-рости.

«Раненый камень» всегда со мной, а с «Клиником и ро-зой» хожу в трудные дела», — признался однажды поэту генерал-майор танко-вых войск С. Магометов. «Вы действительно откры-ваете сердце человеческому горю. К сожалению, в нашем мире много горя. Нам надо слушать Вас, доброго поэта нашего времени», — писал Кайсыну учитель русского языка из ФРГ Альберт Рас-мусен. Им вторят поэтесса из ГДР Марта Вебер: «...Вы стали для меня каким-то об-разом внутренне близки, стали ближе, как друг, кото-руму можно доверять во-всю. Литература то же самое, что музыка: у нее нет границ, и она чувствует себя, как дома, там, где люди ис-полнены добрых намерений и принимают ее с благодар-ным сердцем».

Сколько сил, энергии нуж-но было ему, чтобы, подобно неизсяющему горному роднику, находить путь к сердцам людей, отдавать им свое мужество и нежность, передавать им свой неистре-бимый оптимизм, улавливать тончайшие нюансы человеческих горестей и радостей, уметь смотреть на мир доб-рыми и искренними глазами.

Слава, известность не при-бавили поэту самоуспокоен-ности, уверенности в себе. Произведения его были всег-да готовы к той роли, в ка-кой их хотел видеть автор, — приносить людям радость, быть нужными в горе и в счастье, в дни болезни и ста-рости. Сам Кулиев испытывал это счастье — счастье ра-достного общения с людьми. Творчество его — своеобраз-ный отчет о прожитой жизни — прекрасной и трагичной. Гете как-то заметил, что все произведения — это отрывки одной большой исповеди. Нам кажется, Кайсын повто-рил бы слова немецкого поэта, если бы ему пришло-ло характеризовать свое твор-чество.

Смерть его ворвалась в на-ши сердца, как ливень в гор-ные двери, и мы еще долго будем чувствовать горечь и боль утраты и утешать себя тем, что он оставил человечес-тву, как завещание, свои скромные и мужественные стихи.

С. БАШИЕВА,
кандидат филологических наук.